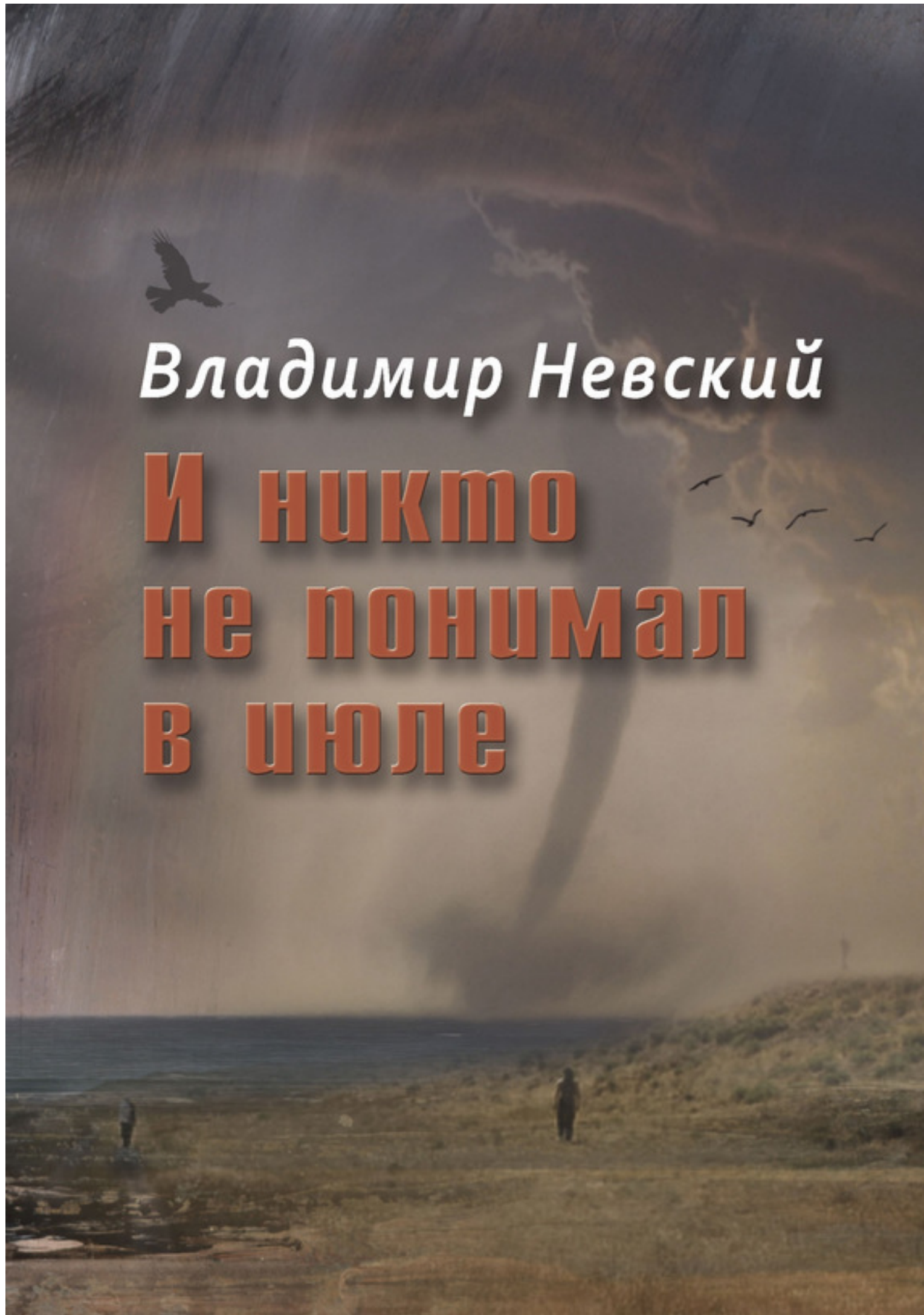
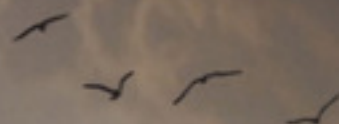

Владимир Невский

**И никто
не понимал
в июле**

Владимир Невский

И никто не понимал в июле

«Э.РА»

2015

Невский В. Н.

И никто не понимал в июле / В. Н. Невский — «Э.РА», 2015

События романа разворачиваются в малолюдном уголке Крыма, где работают и отдыхают археологи. Этот детективный, но не фантастический сюжет «сложился» в результате того, что у автора, занимавшегося поиском истин в разных науках и в разных краях, сформировалось свое видение истории и ее перспектив. Кто-то назовет такой жанр детективом, кто-то – мелодрамой, кто-то – фантазией на тему исторического творчества. Для образованных читателей, способных думать и воображать.

© Невский В. Н., 2015

© Э.РА, 2015

Содержание

И никто не понимал в июле	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владимир Николаевич Невский

И никто не понимал в июле

И никто не понимал в июле

Глава 1

Красная полоса неба вклинилась между синими силуэтами гор и туч. Это закат. Не бывает у рассвета такая бесконечная, будто разлитая по земле, грусть. Тучи неподвижны и холодны. Их синева тяжёлая; кажется, если «автор» добавит один-единственный фиолетовый или тёмно-синий мазок, всё погрузится во мрак. Очертания гор, как на детских рисунках, резки. У самого подножья угадывается узкая пелена тумана. Сквозь неё будто бы пробиваются тусклые огоньки, «посаженные» в виде ровной, чуть наклонной линии, нисходящей, вероятно, к морскому заливу. Но самого моря не видно; оно ощущается каким-то иным зрением, проникающим за границы этой неподвижной картины.

16 января, 4.08

Неужели он, к кому приходят такие яркие, но однообразные и «безлюдные» сны – единственный человек во всём этом неосоздаваемом мире? Неужели никогда не удастся вдохнуть в них жизнь?

Помогите освободиться от снов! И не только от «таких», а от любых, навсегда, потому что хороших снов не бывает.

* * *

16 января, 9.05

В то январское утро пятидесятирёхлетний историк и археолог Олег Денисович Неверов проснулся в своей квартире с ощущением бесконечной усталости. Вероятно, многие, одолевшие этот возрастной рубеж, будут потом вспоминать о нём и о других жизненных изломах – или с умилением, или с досадой; только одни, очнувшись, вернутся в активную жизнь, а другие так и останутся в тишине замкнутого пространства – переживать по-новому свои страхи и потери.

Усталость его родилась в голодные для науки годы, когда даже светлый ум не был способен найти себе пищу для работы. Археологические раскопки, проводимые его родным университетом и коллегами из других ВУЗов, становились редкими, а потом и вовсе исчезли. Спасала учебная нагрузка. Иногда она была скромной, иногда, – как из ничего, – возникали дополнительные курсы лекций и практических занятий. Бывали моменты, когда двенадцать учебных часов в неделю казались ему каторгой. Однако теперь Олег готов был поклясться, что эта «каторга» и спасла его – даже не деньгами, – когда у наших преподавателей были деньги? – а тем, что возвращала в его жизнь забытые эмоции и заставляла трудиться уже порядком облепившийся ум.

Торопиться сегодня было некуда. В университете сессия; ближайший экзамен – через три дня, а идти туда просто так, за развлечением, не хотелось. Дамский коллектив кафедры, – семь женщин и два мужика, из которых один – он, а другой – заведующий кафедрой, пока ещё шустрый, но безнадёжно старый пенсионер, – раздражал его сильнее, чем самый нерадивый студент. Олег заварил зелёный чай, пристрастие к которому появилось ещё в давние семидесятые, на раскопках в Джунгарском Алатау.

Отпив пару глотков, он услышал трель дверного звонка. В такое время гости обычно не заходили. После недолгого замешательства Олег открыл дверь.

На пороге стояла интересная пара – два интеллигентных, строго, но стильно одетых сравнительно молодых человека. Один, что помоложе, выглядел лет на тридцать. Он казался типичным банковским клерком. Другой, постарше, стоял слева от него.

– Олег Денисович Неверов? – чётко, как педантичный актёр, начал разговор старший. – Простите нас за ранний визит и за то, что осмелились прийти без предварительной договорённости. Я – юрист, представляющий интересы одной немаловажной персоны и, одновременно, банка. А это мой коллега – сотрудник банка. Разрешите нам войти?

Олег молча отступил в сторону. Посетители тщательно вытерли ноги и вопросительно посмотрели на хозяина.

– Пожалуйста, в комнату. Разуваться не надо.

– Спасибо, – глядя в пол, сказал «юрист» и вынул тонкую папку с бумагами. – Итак, я уполномочен сообщить вам, что несколько дней назад скончался один наш клиент. Согласно его завещанию, мы обязаны...

«Юрист» зашарил глазами по комнате. Его взгляд остановился на стуле. Почти сразу же банковский служащий двинулся в направлении этого взгляда и элегантно водрузил стул у ног хозяина квартиры. Олег опешил. Он сел и нетвёрдым голосом предложил гостям занять диван.

– Спасибо, – повторил «юрист». – Мы обязаны, во-первых, не раскрывать его фамилию. Говорящий повернулся к Олегу, будто интересуясь произведённым эффектом.

– Во-вторых, – продолжил «юрист», – в завещании указаны две суммы денег, которые вы должны получить.

Он опять сделал паузу. Олег инстинктивно приподнялся.

– Первую сумму вы можете получить почти сразу. Распоряжайтесь ею по своему усмотрению. Это ровно двадцать пять тысяч долларов США. Далее! – «юрист» повысил голос, как бы предупреждая естественную реакцию счастливого историка: – Вам предназначены ещё сто тысяч долларов на археологические работы. Но расход этих денег будет под контролем банка. Наш клиент отметил четыре района. Это Восточный Крым, Тамань, Устюрт и Джунгарский Алатау. Здесь требуется уточнение. Дело в том, что на территории Казахстана мы не имеем своих филиалов. Если вы будете настаивать на Устюрте или Джунгарском Алатау, то нам придётся составлять особый договор о способах и условиях финансирования. То есть, вы понесёте некоторые потери.

Мысль Олега заметалась между долларами и названными объектами.

– Так что требуется от меня?

– От вас? Согласие. Или наоборот – отказ.

– А вы... фамилию вашего клиента...

– Нет. Это тайна.

– Но я, честно говоря, не понимаю, как я должен расходовать эти экспедиционные деньги... сколько лет я могу их тянуть? Какой должен быть отчёт, наконец? Есть в завещании хоть что-нибудь о моих правах и ответственности?

– Нет, – с тупой, как у двоечника-первоклассника, улыбкой включился в разговор «банкир». – То есть, да, но эти правила устанавливаем мы с вами. Вы пишете проект – мы его рассматриваем и финансируем. Научные достижения нас почти не интересуют. Но ведь вы, надо думать, нацелены на какие-то достижения? Так?

– Так.

– Значит, с деловой стороны проблем не будет. А срок? Вряд ли вы уложитесь в один год; а два, три – пожалуйста, выбирайте сами. Мы согласны на любой из предложенных вами вариантов.

– Хорошо, – Олег, наконец, обрёл уверенность. – А если я захочу на Устюрт?

– Интересно, что там можно накопать? – снова подал голос «юрист». – Ну, я понимаю: Тамань или Керченский полуостров. Раскопки ведутся летом. А что делать на безлюдном Устюрте? В разгар жары? Один транспорт вытянет у вас тысяч пятнадцать в год.

– Значит, так, – на этот раз с примиряющей улыбкой сказал «банкир», – вы выбираете тот объект, который вам угоден. В завещании указаны только эти четыре места, то есть, если вы захотите работать где-нибудь, скажем, в Поволжье, то мы ваши раскопки не профинансируем. А вот что касается выбора... мне показалось, что мой коллега нашёл резонные аргументы. Впрочем, я повторяю: выбираете вы.

– А если я откажусь? Или посоветую отдать деньги и раскопки тому, кто захочет? Уверен, что такие найдутся. И, кстати, я ведь по образованию историк, а не археолог. Понимаете разницу?

– В завещании о таких тонкостях ни слова. Но все условия и суммы прописаны в пакете. Надеюсь, вам понятно?

– Куда уж понятнее!

– Вы можете взять эти двадцать пять тысяч прямо сегодня, – доверительно произнёс «банкир». – Однако я рекомендую открыть у нас счёт. У нас же вы будете получать деньги на проведение экспедиций. Итак?

– Хорошо, я принимаю ваши условия и... деньги... тоже.

– Вы намерены открыть счёт в нашем банке?

– Да.

– Тогда просим в машину.

Они спустились во двор – «банкир» спереди, «юрист» позади. Соседка, увидевшая эту красочную процессию, испуганно отпрянула к стене. Олег хотел было с ней поздороваться, но решил, скорее ради забавы, довести до гротеска разыгранный с его участием спектакль и, проходя мимо неё, не повёл даже бровью. Наоборот, он свёл руки за спиной и вперил сосредоточенный взгляд в затылок «банкира». Соседка вжалась в стену и сделала несколько судорожных движений правой рукой.

Честно говоря, и ему в эту минуту захотелось перекреститься.

* * *

16 января. 19.11

С банком управились быстро, даже подозрительно быстро, словно вся эта четырёхэтажная «контора», занимавшая особняк девятнадцатого века, заранее подготовилась к визиту высокого гостя. Пластиковую карту пообещали через две недели.

Думать не хотелось ни о чём, даже о деньгах. Лишь когда стемнело, Олег попытался ещё раз проанализировать эту странную ситуацию.

Во-первых, теперь не надо беспокоиться о хлебе. Двадцать пять тысяч – это... это что-то необъятное.

А во-вторых?

Во-вторых, надо прислушаться к собственному любопытству. Кто этот благодетель? Почему он захотел быть инкогнито? И почему эти двое пришли без уведомления и, к тому же, утром, когда нормальные люди давно на работе? Перед такими визитами обычно созваниваются. Странно... всё очень странно.

Кое-какие штрихи к портрету неизвестного мецената есть. «Он» знает, точнее, знал, где работал Олег. Но знал не все места раскопок или по какой-то причине выбрал только четыре. Почему четыре и именно эти?

По-видимому, «он» жил здесь, в этом городе. И если он отстегнул более ста тысяч баксов незнакомому историку, то был человеком богатым. Минутку, почему – «незнакомому»? Скорее, наоборот – знакомому. Богач, знающий университетского историка через третье лицо, выглядит не совсем убедительно.

Да, стоит задуматься. В кругу приятелей Олега не значилось ни одного богатого человека. Состоятельные, пожалуй, есть. А вот такие, способные подарить сто двадцать пять тысяч? – Нет; увы, нет.

Рассуждаем дальше: если «он» попросил в завещании не открывать его имя, значит, были весомые причины. По-видимому, Олег действительно слышал о нём или даже видел его, но тот не захотел быть узанным. Можно попытаться зайти с другой стороны. Со слов юриста, тот скончался несколько дней назад. Два? Три? Четыре? Смерть богатого человека – явление не рядовое. В принципе, можно как-то выяснить – пролистать, например, светскую хронику. Только зачем? На чём основана уверенность, что «благодетель» жил здесь? И потом, если он захотел остаться инкогнито, то надо бы уважать волю покойного.

В-третьих?

Есть и в-третьих, и в-четвёртых. Уже январь. Лето скоро. Надо готовиться, выбирать объект, договариваться с коллегами-археологами. Проект написать несложно. Деньги уже выделены, а контролёром будет не Академия наук, не учёный совет, а банк среднего пошиба. Он схарчит и любой проект, и любой отчёт... если, конечно, в завещании нет никаких подводных камней.

Итак, завтра, с утра, придётся набросать план действий: переписки, звонки, официальные бумаги и так далее. А сейчас можно определиться с выбором.

Устурт? – Одно из самых романтических мест на Земле. Лаконичный рельеф, в котором ровное течение плоской поверхности нарушается лёгким, но резким штрихом неведомого художника, нашедшего удивительную многокрасочную палитру на границе меж двух серо-жёлтых равнин. Интереснейшая культура степной бронзы. Скинута бы со своих плеч лет пятнадцать-двадцать. Но сейчас, с грузом собственных проблем и болячек, под беспощадное солнце, которое и в сентябре доводит до одурения? Пожалуй, прав был «юрист», хотя в его годы не в конторе надо бы сидеть.

Джунгарский Алатау? – Редкие по своей строгой красоте горы. В них нет излишеств, кичливых украшений. Они привлекают не туристов, а паломников – тех людей, которые долго и терпеливо ждут, когда горы откроют им нечто сущностное, не видимое глазами обычных отдыхающих. Если отвергнуть Джунгарию, то вряд ли появится случай побывать там ещё раз. И всё же... что там делать? Почти незнакомая культура; призрачные надежды на достойный урожай артефактов. Кажется, он упускает главное: ради какой цели затевается это грандиозное мероприятие? Если ради отдыха – это одно; а ради научной, вернее, мировоззренческой цели – совсем другое. Казахские археологи с большой охотой откликнутся и сами всё организуют. Но... там не то, что ему надо.

Похоже, придётся выбрать ту или другую сторону Керченского пролива.

Ещё лет двадцать пять назад, когда иномарки были для нас недостижимой роскошью, на этих берегах отдыхали немногочисленные дикари с разномастными, не самыми новыми машинами. Но что там творится сейчас? Да и «чёрные археологи» двадцать пять лет назад не высовывались так нагло.

Что ж, выбор, кажется, сделан. Цель – Тамань. Это не заграница; доступность – почти идеальная. Море всегда рядом, пресная вода – тоже, чего не скажешь про Керченский полуостров. Все доводы – «за».

Не переставая ходить взад-вперёд по диагонали единственной комнаты, Олег в третий раз перебрал в памяти все объекты.

Он помнил их с точностью профессионального топографа. В какое-то мгновение этого безостановочного движения у него мелькнула мысль, на которой трезвый ум остановился бы гораздо раньше.

Какой смысл имеет его подпись на документах? Не продаёт ли он ненароком нечто такое, за что впоследствии придётся держать ответ? Есть какой-то иной «договор» между ним и усопшим меценатом кроме обычного финансового соглашения, похожего на десяток других?

Олег вытащил из-под стола хранящиеся там экспедиционные записи и зарисовки. На верхней папке было написано «Керчь», на той, что ниже – «Тамань». Открыв первую, он увидел черновик своего давно забытого небольшого рассказа, который появился во время последней экспедиции. Кто мог предположить, что в конце июня на засушливом Керченском полуострове три дня будет идти дождь? Все готовились к жаре. И, коротая время, Олег за три вечера состряпал неплохой, как казалось ему, рассказ «для детей». Тема была навеяна американскими фильмами, прорвавшимися на наш телеэкран, а затравкой сюжета стало хроническое весеннее расстройство самочувствия, которое он приписывал переходу на летнее время. Олег не собирался печатать свой рассказ и поэтому, завязав однажды тесёмки на папке, забыл о черновике уже через несколько недель.

Рассказ не имел названия, но, открыв рукопись на последней странице, он мгновенно сообразил, как его можно назвать.

«Скажите Стиву Кингу: пусть он отдыхает», – переписал Олег почти целиком реплику одного из действующих лиц. Заголовок уместился в одну строку. Прикоснувшись к своему давнему творению, он не удержался от соблазна прочесть его ещё раз, впервые за последние двенадцать лет.

СКАЖИТЕ СТИВУ КИНГУ: ПУСТЬ ОН ОТДЫХАЕТ

Самолёт с привычным усердием лез через облака. Поднимаясь, он подарил пассажирам несколько минут вечернего света, с которым те уже распростились на земле. Ночь обещала быть короткой. Путь лежал на восток. Старшая стюардесса спокойно отметила про себя, что два человека почему-то отказались от полёта, не сдав билеты. Не пришёл и один зарегистрированный пассажир. У него через пять минут после досмотра начался сердечный приступ. Такого прежде не случалось; и впору было б засомневаться в благополучном завершении рейса, но умиротворяющая ночь никак не наводила на мрачные мысли и подозрения. Всё шло как обычно, из года в год, изо дня в день, разве только последний луч уже невидимого солнца показался неестественно фиолетовым, как иногда бывает над морем.

Публика оказалась весьма пёстрой. Были туристы – они летели на отдых в тропические края. Были, как всегда, бизнесмены, подчеркивающие всеми доступными атрибутами и поведением свою кастовую принадлежность. Были молодожёны и несколько детей. Многие места пустовали.

После ужина старшая стюардесса подкралась к шкафчику, где хранилась уже откупоренная бутылка. С прошлого месяца она пристрастилась к мартини, но пила, конечно, втихую, без подруг. Вытянув вверх красивую, облегаемую элегантно блузкой руку, она бросила взгляд на часы. Стрелки не двигались. Они остановились ровно в полночь. Обеспокоенная стюардесса бесцеремонно схватила за руку подругу, у которой были электронные часы. На них, как на могильном памятнике, светились одни нули. Это казалось забавным, но лишь поначалу. Сегодня следовало перевести часы на зимнее время; но... когда и что переводить, если они стоят? Несмотря на юный возраст, стюардесса сообразила, что привычный переход на зимнее время каким-то интересным образом повлиял на остановку часов. Она побежала в кабину пилотов. Следом засеменила старшая.

– Я-то думал, что Кинг всё нафантазировал, – недовольно сказал командир, будто женщины принесли безнадёжно устаревшие сведения. – Смотрите сами: рули вроде бы работают, но машина не реагирует. Все индикаторы застыли, как приклеенные. Турбины не глохнут, но звук у них стал более низким. И вообще, вам не кажется странным, почему мы ещё держимся в воздухе и не падаем?

Второй пилот время от времени пожимал плечами и быстро дергал головой, как собака, стряхивающая воду. Он пытался выйти на связь с «землёй». Но весь окружающий мир молчал. Несчастные стюардессы отупело смотрели в ночь. Внизу было темно. По курсу самолета едва заметно светили звёзды, но так слабо, что привычные созвездия не угадывались.

– Мы пока ещё на Земле, – успокоил стюардесс командир.

– Над Землёй, – внёс поправку второй пилот и тут же неуместно хихикнул: – Мы же спим, ребята, мы спим; как ещё можно всё это объяснить?

Командир сочувственно посмотрел на него и выпроводил женщин в салон «успокаивать пассажиров». Атмосфера тревоги уже овладела людьми. Их взоры уперлись в глаза стюардессе.

– Что скажете, дорогая леди? – без иронии, но и без сквозящей в голосе тревоги спросил стюардессу одиноко сидящий человек пожилого возраста, похожий на постаревшего киноактёра.

– А вы что-нибудь понимаете? – ответила стюардесса вопросом на вопрос. – У вас тоже часы остановились?

– Видите ли, у меня, пока я ехал в аэропорт, пропали часы. Красть их было бы верхом идиотизма; думаю, что я их просто потерял.

Стюардесса побледнела. Ей приходилось ранее слышать рассказы о том, что внезапная остановка часов и – тем более – потеря предвещает беду.

– Вы сочли это признаком неприятностей?

– Это не неприятность. Это совсем другое. Часы стоят. «Стоим» и все мы. И, поверьте, мне тоже страшно. Но вы упустили главное, о чём вы знаете, и что никак не может быть случайностью: сегодня ночью переход на зимнее время. Поэтому давайте подождём ровно час, а там подумаем: стоит ли паниковать.

– Причём здесь зимнее время? – встрял в разговор один из молодых «бизнесменов» в синем пиджаке. – Перевод стрелок часов – это простейшая формальность, не имеющая никакого физического смысла. Он не может влиять на истинное время.

– Хорошо, придумайте тогда своё объяснение.

Стюардесса краем глаза заметила, что её старшая коллега большими глотками хлебает мартини. В это время растерянные пассажиры безуспешно пытались понять, что с ними произошло. Они никак не могли и не хотели поверить в реальность вот такого внезапного нарушения их благоденствия.

Стюардесса снова повернулась к собеседнику:

– Вы чем-то похожи на учёного. Я не ошиблась?

– Не ошиблись, – отозвался он. – Но моя наука никогда не была связана ни с физикой, ни с философией, хотя некоторые шарады со временем мне приходилось разгадывать. Я был археологом, и лишь последние пять лет провёл в должности скромного работника культуры. Но на вопрос, который вы намереваетесь задать следом, я уже ответил. Я считаю: спешить не нужно.

– Так значит, нам придётся просто сидеть и ждать? А как определить, что прошёл именно час?

– Очень просто. У каждого человека есть внутреннее ощущение времени.

– Завидую вам. Как вы ухитряетесь сохранить спокойствие?

– Потому что слишком очевидно совпадение нашей ситуации со сменой времени. Нет, и не может быть другой версии.

– Но ведь перевод стрелок часов происходит не в каждой стране. Более того, многие жители Земли вообще не знают о таком финте, который происходит с нашими часами, – не сдавалась стюардесса. – Не может быть такого, чтобы кто-то – пусть это будем мы – «выпал» из времени, а все прочие даже не заметили этого.

– Пока объяснить не могу. Я ведь не зря предупреждал, что я археолог, а не философ.

– Хорошо, – тихо произнесла стюардесса, – тогда скажите, какие загадки времени вы разгадывали?

– Пожалуйста. Но в виде предисловия я напомним вам: археолог всего лишь фиксирует находки, артефакты, привязывая их ко времени. Мы не строим моделей. Мы принимаем данность, найденную в земле, за истину. А теперь о том, что вы хотели услышать. Однажды, очень давно, я нашёл на раскопках осколок стекловидного вещества, причем имевший, как мне показалось, явно рукотворную форму. Но он лежал в таком слое, который считался гораздо древнее известных датировок стекла, и рядом с такими предметами, которые никак не могли быть его современниками. Забегу чуть вперёд: в конце сезона мы, конечно, отдали осколок в лабораторию, однако... датировка оказалась крайне неточной, с погрешностью до семисот лет.

Так вот: мои молодые коллеги страшно возбудились и стали фантазировать о сенсации. Но я сразу отгородился от их эйфории. Я пригласил знакомого геолога. Он долго изучал разрез, потом подчистил его и прокопал несколько канавок. «Знаешь, – с некоторым недоумением обратился он ко мне, – мне кажется, что стекляшка в этом слое не родная; здесь чуть-чуть другой суглинок, скорее супесь». Он предположил, что осколок как-то переместился с более высокого, – и, стало быть, менее древнего, – горизонта, и посоветовал раскопать его. Мы вдвоем – остальные отказались принципиально – разворошили горизонт, который был на две-три тысячи лет моложе. Нашли бедный культурный слой. Но не нашли того, что искали – ни стекла, ни соответствующих этому возрасту орудий труда. Потом мы поняли, что не можем найти механизм, который удревнил мою находку. Не было здесь оползней, борозд. Не могла эта стекляшка каким-то естественным процессом быть внедрена в более древний горизонт. Разгадка пришла ночью. Я ухватился за замечание моего друга-геолога. Помните, он усомнился в «подлинности» супеси в месте находки? Едва рассвело, я побежал на разрез и очень скоро подтвердил свою догадку. Выше места находки в разрезе едва-едва выделялся столбик неслоистой супеси диаметром около метра. Чтобы отличить его от окружающей породы, нужно было иметь поистине сверхзоркий глаз или логическое заключение, указывающее, что именно надо искать.

– И что это могло быть? – приоткрыв от нетерпения рот, спросила стюардесса.

– Я думаю, осколок был закопан. Кем и зачем? Тут нам остаётся только гадать. Может быть, ритуальное действо. Может быть, наш предок решил подшутить над нами, потомками, догадываясь, что мы станем интересоваться его жизнью.

– А вы находите что-нибудь общее с нашей ситуацией? – робко спросила стюардесса.

Археолог с интересом посмотрел на неё.

– Смотрите: перевод часов – это не просто нарушение, это – разрыв времени. И тогда кто-то решил, что такой разрыв противоестественен природе или его представлению о природе, и поэтому он должен быть как-то «залечен». И это, как я думаю, было выполнено блестяще. Но мы оказались под властью редчайшего совпадения. Во-первых, мы оказались в той зоне, где действует летнее время. Во-вторых, если я верно представляю карту, мы летим таким курсом, что пересекаем пятнадцать градусов долготы, то есть ширину одного часового пояса, ровно за один час. Мы так «замаскировались» во времени, что нас не заметили.

– Но ведь тогда пространство где-то должно быть разорвано, – прошептала стюардесса.

Археолог еще пристальнее посмотрел ей в глаза.

– Да. Но это уже не ко мне.

Наступила тишина. Слышалось только дыхание людей. Стюардесса заметила командира, который стоял, прислонившись к креслу первого ряда. Прошел ли час, или два – никто сказать не мог. Ощущение времени было уже потеряно.

– Я по-прежнему многого не понимаю, – тихо сказал археолог. – Мы дышим, думаем, ходим. Мы, как и раньше, находимся в мире, где действуют необратимые процессы. Значит, и время течёт. Будем жить и ждать. Мне проще. Археология – такая наука, которая раз и навсегда приучает к нетрадиционному восприятию вечности. Я атеист, но верю в мудрость природы.

У неё есть разные механизмы, способные вернуть нас к нормальному течению времени, когда обнаружится эта хронологическая ошибка.

– А катастрофа или смерть от голода и жажды – это тоже ваш природный механизм?

– Мне начинает казаться, что вы умнее меня. Подумайте, может быть, именно у вас появится единственная здравая мысль. Вы только что упомянули разрыв пространства. Скорее всего, мы ничего не увидим и не почувствуем. Разрыв не будет замечен никем, потому что известная формула неразрывности пространства и времени справедлива в случае деформации, а не нарушения сплошности одного из измерений. Я, возможно, объясняю не совсем понятно... но я действительно не понимаю. И фантазии, чтобы дорисовать эту картину воображением, у меня нет. Этот механизм, под удар которого мы попали, регулирует нечто более тонкое, чем просто воспринимаемое нами время.

Один из туристов неожиданно встал и неторопливо, как сомнамбула, направился к аварийному выходу. Взявшись за ручку люка, он начал дергать её. Полная тишина сопровождала его действия. Командир молча смотрел и не делал попыток остановить обезумевшего пассажира. Наконец, тот устал и сел в кресло, уперев в потолок несфокусированный взгляд. Командир пошёл в кабину.

Молодая стюардесса ощутила непреодолимое желание выплакаться. Она в сотый раз посмотрела на безжизненные часы. В глазах появились первые слёзы отчаяния.

– Девочка, не плачь, – услышала она тихий и усталый, как у больного, голос археолога. – Причина нашего происшествия – не только недовольство переводом часов. Сочтём его мелким идиотизмом. Это ещё не худшая наша вольность в отношении времени. Мы преуспели во всём, или почти во всём, кроме осознания соразмерности времени. А если между ним и нашими способами самосовершенствования нет соответствия, то мы будем сбиваться на круг, на циклическое время, не понимая закономерностей собственной же истории. Я бы многое рассказал на эту тему, но некогда.

– Как некогда? Почему некогда? Мы можем говорить и слушать бесконечно.

– Подожди. Пока мы все молчали, я кое-что осознал. Не меньше, чем за всю археологическую практику. Когда природа залечивает наши грехи, она, как бы тебе сказать, делает это самым простым способом, но не обязательно рациональным с нашей точки зрения. Мой покойный учитель археологии однажды сказал: «Археолог живёт и работает на грани потери профессионализма или жизни; если он не желает понять смысла вечности – он слабый специалист, но археолог, понявший истинный её смысл, скоро умирает или лишается рассудка». Я чувствую, что истина где-то рядом, но не могу уловить. И истина в нас.

Стюардесса отступила от кресла. Она внезапно увидела путь к спасению. Ответ пришёл легко, неслышно, как знакомая, но случайно забытая фамилия киноактёра.

Она громко хлопнула в ладоши. Этот звук показался пушечным выстрелом.

– Внимание, в обоих салонах! Снимите с рук часы! Уже утро! Понимаете, уже утро! На мой счет «три» все, – только все! – дружно ставят стрелки на шесть часов. На шесть-ноль-ноль! Всем понятно? Итак... раз, два, три!

В первый момент показалось, что мир дрогнул.

Послышались давно забытые звуки; небо вокруг самолёта стало светло-серым, и сама машина, дрогнув, начала уходить вниз и влево. Несколько человек закричали от радости или от испуга. Но эти разрозненные крики были заглушены дружным ревом «ура!» из пилотской кабины. Самолет выровнялся, покачал крыльями, убедившись в завершении летаргического сна, и засверкал в лучах выходящего навстречу солнца.

– Фантастика, – пробормотал бизнесмен в синем костюме. – Когда мы сядем...

– Не говори «гоп», пока не перескочишь, – попытался остановить его сосед по креслу.

– Когда мы сядем, – упорствовал «синий пиджак», – я позвоню Стиву Кингу и скажу: пусть он отдыхает. Я увидел такое! Да его лангольеры – просто взбесившиеся блохи!

Стюардесса ещё не верила своим глазам. Из-под шторки выползла её подруга. Прошегав на четвереньках пару метров, она обессилено упала и заулыбалась с прежним блаженством. Юная стюардесса подошла к археологу.

Он сидел спокойно, закрыв глаза и, казалось, спал.

* * *

17 января. 00.38

Завершив чтение, Олег выключил свет и встал у окна. Ночь овладела городом. Иногда припозднившиеся автомобили, стараясь быть менее заметными, пробегали по пустой улице. Других живых существ, похоже, в городе не осталось. Олег вспомнил, что недовольство этим летним часом было не единственной причиной появления рассказа и, может быть, даже не главной. Побудительным толчком стало неясное ощущение двойственности времени, которое он испытал чёрной июньской ночью возле Керчи, сидя на вершине пологого холма.

Собственно, нечто похожее возникало у него и раньше – на Устюрте, ландшафт которого казался более обаятельным, чем крымская степь. Но в Казахстане он ещё не искал уединения; ему было уютно в своей, отнюдь не малочисленной компании коллег и студентов. Там он не успел запомнить свои ощущения.

Здесь же Олег находился в полном одиночестве, в километре от лагеря, где уже другие коллеги и студенты пили дешёвое местное вино и веселились оттого, что им было хорошо, что имелаась выпивка, что неподалёку шумело море.

Сначала было «пение» цикад – так он называл стрёкот этих твердолобых насекомых. Затем, немного подвинув привычные созвездья на запад, в сторону Феодосии, небо раскрасилось сотней букетов новых маленьких созвездий, которые будто выходили из небытия прямо на глазах наблюдателя. Небо, накрывшее одинокий холм, оставалось безгласным. Замолкли б цикады – и, возможно, донёсся из космоса какой-нибудь звук, извещающий об акте творения звезды или планеты. Вспышки новых созвездий продолжались до тех пор, пока небо не перестало быть чёрным. И вдруг всё пошло вспять. Не пытаясь постичь умом причину этого явления, Олег повернул голову и увидел розовую полосу над восточной частью горизонта. Ночь пролетела, как вздох сожаления.

С трудом оторвавшись от воспоминаний, Олег понял, что окончательный выбор сделало его подсознание. Он не сможет воспротивиться желанию вернуть то давнее ощущение и, если повезёт, заглянуть ещё глубже в занебесный чарующий мир.

И вообще, зачем в таком возрасте стремиться к очередной археологической находке, к уточнению датировок культурных слоев? Что такое сотня артефактов против осознания того, что жизнь именно сейчас выходит на бесповоротную дорогу к финалу?

Глава 2

Главная улица города изламывалась почти посередине. Он любил эту часть улицы, застроенную старыми двухэтажными домами, и, направляясь к вокзалу, шёл обычно по чётной стороне, обратно – по нечётной. Люди, кажется, присутствовали – немногочисленные прохожие, которые не были видны, но чувствовались за спиной. Машины не попадались. Миновав поворот, он ощутил непривычную убогость улицы. Она была та самая, исхоженная за много лет вдоль и поперёк, знакомая, но... с другими, будто осиротевшими домами, раскрашенными в невыразительные цвета, без трамваев и машин. Он упёрся в квадратную площадь, за которой увидел омертвевший вокзал. И всё вокруг пребывало в такой стерильной тишине, что хотелось бежать, не глядя по сторонам и громко топая ногами.

* * *

11 июля

Экспедиционный лагерь получился по-домашнему уютным. Стихийный архитектор удачно раскидал палатки, которые вместе с автомашинами повторили очертания стоянки, построенной Олегом четверть века назад в Казахстане.

Воды, конечно, на Керченском полуострове не прибавилось. Но какая это проблема, если есть две легковушки и два вполне приличных джипа. Одна из коллег – Анна Георгиевна, почти старушка – живёт в Феодосии, совсем рядом. Археолог она посредственный; но именно она таскалась дважды в Киев, и именно ей посчастливилось иметь министерского родственника – сына, который обосновался в столице лет пятнадцать назад.

Киевляне помнили Олега хорошо. И неслучайно. Помимо двух десятков статей на русском и английском языках, он ухитрился выпустить одну на мове. Это случилось, правда, давненько, когда он, молодой кандидат наук, обхаживал симпатичную и далеко не глупую студентку из Херсона. Она-то и перевела его статью на украинский. Шутка шуткой, но память и уважение он сохранил, как оказалось, навсегда. Ни одной юридической и ни одной канцелярской проблемы Олег на этот раз не имел. Более того, уже с первой деловой поездки в благоухающий майский Киев он возомнил себя расторопным менеджером, лихо, и при этом грамотно распоряжавшимся деньгами, транспортом и имуществом, то есть как раз тем, чего он раньше чурался. Видимо, годы умудряют. Он теперь мог бы сидеть и отдыхать, скрестив по-наполеоновски руки и лишь иногда разнимая их, чтобы указать перстом очередное направление деятельности. Официальным начальником экспедиции числился Павел Фёдорович – «ПАФ», киевлянин. Место раскопок и культуру он знал неплохо, точнее, лучше Олега. Но, трезво оценивая свой немолодой возраст и имея, видимо, некоторый комплекс по случаю вынужденной работы по найму, а не по интересу, ПАФ старался быть менее заметным и слышимым.

Кроме ПАФа и Анны Георгиевны в отряде был один давний знакомый, бывший ученик Олега, Евгений, который стал профессиональным археологом. В последнее время он бездействовал, занимаясь высиживанием диссертации вперемежку с противодействием собственной хандре. Однако здесь, ощутив очарование скифской вольницы, он обрёл долгожданную свободу и стал самым работоспособным участником экспедиции.

В свою очередь, Павел Фёдорович взял двух недавних выпускников-историков Никиту и Андрея, которые, при всей их непохожести друг на друга, всё же вызвали подозрение в кровном родстве. Как показали первые же дни, парни отличались спокойным нравом, были общительны, но неназойливы. Неожиданные спонсорские деньги они восприняли с таким энтузиазмом, что пообещали Олегу бескорыстную помощь в строительстве дома в сорока километрах

от Киева, если тот захочет на пенсии перебраться в более тёплую и благодатную Украину. И если переберётся, то станет соседом не только бориспольца Андрея, но и старшеклассницы Альки, попавшей в экспедицию по его протекции. Кроме них, Павел Фёдорович принял историка-третьекурсника Костю и второкурсницу Настю, которая, как и Алька, в археологии ничего не смыслила. Она училась на географическом факультете.

Единственное, что Олега раздражало, и то лишь поначалу, – это громкие забавы молодых. Хотя главное веселье происходило на морском берегу, в двух с половиной километрах от лагеря, молодёжной энергии хватало и на всё остальное время, то есть на раскопки, еду и сон. Когда верещала Алька, ПАФ ёжился, ища иногда взглядом поддержки у Анны Георгиевны. Но та была ещё более либеральной к детским шалостям, чем оба начальника. С первого же вечера старушка со всей развесёлой компанией отправлялась на берег и, поскольку купание под лунной её не привлекало, просто садилась на песок возле прибоя и курила дешёвые, но, видно, дорогие её сердцу сигареты феодосийской табачной фабрики.

Что ни говори, компания подобралась неконфликтная и работоспособная. Студенты смотрели начальнику в рот – и не за деньги, в чём Олег был уверен – а из натурального детского интереса. Работать рядом с «зарубежным» ученым, у которого более двадцати статей на трёх языках – это ли не везение? И не столь важно, что он, строго говоря, не археолог, а историк, периодически уходящий то в археологию, то в философию. Олег сам не ожидал открыть в себе способности уникального рассказчика. Правда, с таким-то экспедиционным и университетским опытом как не быть искусным, особенно в интерпретации мировой истории! Уже и ПАФ стал добросовестно внимать Олегу, изредка вторгаясь вопросами или ремарками. Безусловный центр притяжения коллектива – выдающийся историк и археолог Неверов О Дэ! И это только начало.

Перед выездом на работу Олег выяснил, наконец, правила «игры». Можно было подумать, что надзирающий менеджер из банка старался всеми силами оттянуть этот момент. В конце концов, помощник директора банка попросил Олега расписаться на двух односторонних экземплярах договора. Обязательства исполнителя сводились к четырём пунктам. Во-первых, после окончания каждого полевого сезона Олег должен представить список участников экспедиции с персональной тарификацией; во-вторых, расписать все расходы без предоставления каких-либо документов и даже без подписей сотрудников. Если часть работ финансировалась государственной организацией, – а вышло именно так, – то Олегу надо было лишь указать эту сумму или как-то разграничить участников по источникам финансирования. И опять же, никаких дополнительных подписей иных официальных лиц не требовалось. Согласно третьему пункту, ему следовало заснять общие планы раскопов и все найденные артефакты с краткими пояснениями – названиями и датами находок. А вот каталог артефактов должен быть подписан двумя научными сотрудниками экспедиции. Наконец, четвёртым пунктом стояло требование отразить все достижения сезона и составить краткий план работ на следующий год с обоснованием выбора или сохранения объекта.

Если экспедиция добудет столько же артефактов, что и двенадцать лет назад, то составление подобного отчета – дело одного дня. Олег не сразу понял, что этот договор и есть, собственно, «всё». Требования оказались скромными. А помощник директора банка и вовсе выглядел в тот момент, как зажавшийся меценат, делающий вынужденную подачку бедному просителю.

Главный вывод «первого акта» – так Олег окрестил промежуток времени между визитом «юриста» и «банкира» и получением экспедиционных денег – формулировался просто: это не обман, но и не чья-то бескорыстная помощь. Почему «не обман» – уже понятно. Деньги получены и пущены в дело. А вот почему «не помощь»? – Можно сказать, таков вердикт интуиции, которая долгое время оставалась молчаливой. Не в день получения денег, а лишь когда

состоялась организационная поездка в Киев и Симферополь, Олег ощутил присутствие чьего-то интереса, как незнакомого человека в собственной квартире.

Предчувствие его не подводило. Более того, оно дважды уберегло его от ошибок в самых ответственных жизненных коллизиях и один раз от смерти. На эту тему Олег, естественно, говорить не любил, но именно последнее событие получило большую известность в археологическом сообществе. Двадцать лет назад – а дело было под Таманью – он нюхом учуял гибельное место и вывел двух студентов и, заодно, себя из-под мощного берегового обвала. Именно с этих пор Олег начал придирчиво анализировать импульсы своего подсознания.

И вот, почти уже сидя «на чемоданах» в ожидании отъезда в Крым, он попытался пропустить события минувших месяцев сначала через сито логики, а затем через отстранённую от любого логического анализа медитацию.

Получалось одно и то же. Олег бы поверил в свою удачу и щедрость какого-то умного и порядочного бизнесмена, но только не такого, со старательно скрываемым лицом. Где в реальном мире, в каком романе, наконец, герой получил наследство от человека, пожелавшего остаться неизвестным? Нет, спокойной работы не будет. А будет какое-то уникальное – и обязательно неархеологическое – открытие.

Словом, чувство некоторой нервозности сопровождало Олега до прибытия в Симферополь, то есть до третьего июля. Поезд пришёл рано утром. Анна Георгиевна, уже обкуренная феодосийским табаком, встретила его на неизменной «Волге» семьдесят восьмого года выпуска, и буквально на реактивной скорости домчала до небольшой деревеньки неподалёку от Керчи. Всю дорогу она рассказывала о том, как хорошо живётся ей на пенсии, и договорилась до того, что начальник заснул. Бабуся, впрочем, не обиделась.

К работе приступили на следующий день.

Жара приходила и уходила по расписанию, но она не казалась изнурительной. К двенадцати часам работу прекращали. В палатках, как ни манипулируй их стенками, во второй половине дня ни спать, ни думать, ни играть не хотелось. Когда солнце приближалось к верхней точке своего дневного пути, вся компания, кроме дежурного, ехала на берег. Там натягивали огромный тент и зажигали примус для чая. Впоследствии, правда, стали собирать всякие деревянные предметы, выброшенные морем, и кипятить воду на костре – не из-за экономии бензина, а просто потому, что так интереснее. К пяти часам возвращались на раскоп и работали до семи. На ужин, который начинался строго в семь, денег не жалели. Тушёнку почти не использовали, а за мясом ездили в соседнее село. Анна Георгиевна загодя нашла двух приличных хозяев, которые согласились делиться курами и бараниной по умеренной цене. Там же брали воду и вино. Там заряжали аккумуляторы мобильных и ноутбуков. В вечернем пиршестве был только один минус – необходимость долгой утряски и переваривания мясных блюд. Но душа рвалась снова к морю. И после половины восьмого народ постепенно покидал лагерь, но уже пешком. Об автотранспорте никто не заикался, так как после двухкилометрового перехода рецидивы обильного ужина исчезали у всех, даже у ПАФа.

Для позднего возвращения Олег изобрёл нетрадиционную методику. Ночи стояли ясные. Полярную звезду умели находить все, даже Алька. Путь от берега до лагеря лежал не строго на север; но с поправкой определились сразу. Впрочем, через день ни Олегу, ни другим археологам-полевикам звёзды были уже ни к чему. Был ещё один простой путь – по колее, идущей по краю большого поля. Однако этот маршрут был неинтересным и более длинным. От него отказались. Шли только напрямик. Для подстраховки – или, скорее, для игры – Олег придумал сногшибательный алгоритм. На всём пути от берега до лагеря он воткнул четыре отражателя из дюралевых и жестяных листов, которые, видимо, были потеряны «войсками» и по странному недомыслию не стали добычей местных жителей. Фонарей в лагере хватало с избытком, и позднее возвращение с пляжа превратилось в весёлую прогулку.

Первая неделя минула почти незаметно. Народ резвился на пустынном берегу. Ближайшие «дикари» были хорошо видны с береговой террасы, однако к пляжу археологов они подходили редко. Профессиональные успехи пока не радовали. Впрочем, украинские коллеги не слишком утруждали себя работой и потому нимало не беспокоились о материальных результатах.

В один из послеполуденных заездов на пляж археологи обнаружили гостей – два новых чёрных джипа с шестью «дикарями». Они встали как раз на месте купания и успели комфортно обустроить свой быт.

Через день в трёхстах метрах появился ещё один автомобиль. За ним – другой.

Что ж, случилось то, что Олег иногда комментировал простой фразой: «Это вам не Устюрт».

* * *

12 июля, 13.22

«Новенькие» заняли самый симпатичный уголок на обозримом участке побережья. Судя по тому, как они спокойно и деловито вели себя, можно было предположить, что здесь они не впервые. Джипы стояли наверху, на террасе. Одна палатка располагалась возле машин, и две – на пляже. Отнюдь не желая заводить знакомства, Олег, тем не менее, первый поздоровался с приехавшими и коротко рассказал о себе и своих коллегах. Один из гостей, высокий мужчина под метр девяносто, ответил, что ему «очень приятно», но назвал только своё имя – Арнольд.

Вода успела прогреться настолько, что, даже не двигая руками и ногами, то есть, лёжа на спине или вяло барахтаясь в полосе прибоя, можно было не вылезать на берег чуть ли не до вечера. Когда все выбрались на песок и разлеглись кто под тентом, кто на открытом солнце, к Олегу подседа Настя.

– Олег Денисович, вам не кажется подозрительной эта компания? – прошептала она.

– Настёна, я вообще не люблю слово «подозрительный» и тебе советую пореже его использовать... Что тебе не понравилось?

– У них одна машина киевская, а другая московская...

– У нас машины киевские и крымские. А если б я имел своё авто, то была бы еще одна, с российским номером. И что?

– Так это нормально. А наши соседи явно не на работе и явно не семейные. Смотрите сами: четыре мужика средних лет и две дамы.

– Четыре серьёзных джентльмена решили «оттянуться» и пригласили двух девиц.

– Для «девиц» они староваты, – с убеждённой профессиональной уверенностью возразила Настя. – Да и понаблюдайте за их поведением. Они наверняка из той же конторы, что и мужчины.

– Вполне возможно. Но вряд ли они приехали надолго.

– Почему?

– Ты же сама сделала вывод, что это не две семьи, а, скорее, коллеги. В таком составе обычно долго не отдыхают. Однако ты права. Эта компания подозрительна, но не потому, что одна машина из России, а другая местная, и не потому, что у них явно не семейный «формат». Хвалю за наблюдательность и умение делать выводы, но одну деталь ты упустила.

Настя поджала под себя ноги.

– Какую? – с недоумением спросила она.

– Ты видела хоть раз дикарей на таких дорогих новейших иномарках? Им явно не более двух лет. А мужчины относятся скорее к той породе, которая предпочитает отдыхать где-нибудь в Южной Европе или на Багамах.

– И что же они тут делают? – Настя, видимо, сама не ожидала, что её подозрения, относящиеся к жанру детской игры в шпионов, получают такие весомые подтверждения.

– Скоро узнаем. У богатых людей, как и у нас, свои причуды. Словом, наблюдаем и делаем выводы.

Настя с готовностью кивнула головой. Олег, конечно, разыграл студентку, усилив своими наблюдениями её детские подозрения, но Настя приняла всё за чистую монету.

Подул долгожданный бриз, отгонявший жару вглубь полуострова. Молодые опять полезли в воду. Олег решил повременить и, когда шумная компания оказалась в море, надел футболку и по полосе ожившего прибоя двинулся в сторону «новичков».

В разговоре с Настей он умолчал об одной детали, которая, дойди она до сознания юной студентки, заставила бы её еще больше выпучить глаза. Знакомясь с Арнольдом час назад, Олег заприметил в палатке прибор ночного видения, причём не простой, а в обрезиненном корпусе. Ошибиться он не мог, так как эту технику знал неплохо. За кем или за чем они хотят наблюдать? За почти безлюдным побережьем? За студентками, которые купаются по ночам? Или за полигоном? Он недалеко. Но там, по всем признакам, нет никакой жизни. Остаётся, пожалуй, только подводная охота – или на рыб, или на какие-то подводные сокровища.

Размышляя на ходу, Олег поравнялся с группой.

– Господин археолог, вы не могли бы подойти к нам? – послышался голос одного из «дикарей». – У нас готов обед. Только не говорите, что из чувства солидарности вы едите только со своими коллегами.

– Спасибо. Я не против.

Олег подошёл к столу, заваленному самыми обыкновенными продуктами.

– Наши студенты пришли к выводу, что у вас шпионские повадки, – сказал он, не зная, как начать разговор.

– Ах, да, – ответил мужчина лет сорока пяти, позвавший Олега к столу. – Интернациональный состав дорогих машин, отсутствие ярко выраженных семейных пар и фото– и видеоаппаратура, которую вы ещё не видели. Всё просто. Я не буду тыкать пальцем, чтобы вам не стало скучно. Короче, среди нас есть персоны ранга «VIP».

– Может быть, даже «виппухи», – кокетливо уточнила женщина в жёлто-белом купальном костюме и с улыбкой посмотрела Олегу в глаза.

– Я, кстати, пришёл именно к такому заключению. Меня заинтересовало другое, – Олег сел на предложенный ему стульчик. – Мы-то здесь на работе. Но вот почему солидные люди выбрали это место для отдыха, где нет ни воды для кухни, ни деревьев для тени?

– Всё просто, – повторил любимую фразу тот же широкоплечий мужчина. – Здесь идеальное место для отдыха от наших забот.

Олега неожиданно обуяло любопытство.

– Заинтриговали. Что же за работа у вас?

– Сознаться, что ли? – не теряя прежнего кокетства, полушутя спросила женщина в «жёлто-белом».

– Олег, давайте обращаться по имени, – включился Арнольд. – Мы, кстати, интересуемся археологией. Поскольку свободного времени у нас достаточно, то было бы неплохо побывать на ваших раскопках.

– А интерес какой?

– Считайте, что профессиональный. Я как-то участвовал в раскопках на Волыни. Жара была гробовая, результаты посредственные. Если что и было хорошего, так только опыт общения с интересными людьми. Но тогда я этим не дорожил.

«Как и я», – чуть не сознался Олег.

– Поддерживаю Арнольда, – объявила дама в «жёлто-белом». – Мы не станем вам мешать. Будем только смотреть. Вдруг понравится.

– И что тогда?

– Ой, да не пугайтесь. Помощь свою навязывать не станем. К тому же я уверена, что кроме Арнольда и меня никто другой к вам в гости не захочет. Там не слишком жарко?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.